
КНИГА ВОСЬМАЯ.

1

Афинянин. После этого предстоит перейти к установлению ⁸²⁸ и узаконению празднеств с помощью Дельфийских прорицаний, именно: совершение каких жертвоприношений, каким богам, окажется полезнее и лучше для государства? в какое время надо их совершать и в каком количестве? Установить некоторые законы в этой области, пожалуй, также наше дело.

Клиний. Быть может, по крайней мере, количество праздников.

Афинянин. Итак, прежде всего определим их количество. Пусть празднеств будет никак не менее трехсот шестидесяти пяти, ^В чтобы всегда какая-нибудь одна правительственная должность совершала жертвоприношение за государство, за самих граждан и за их достояние какому-нибудь богу или демону. Пусть толкователи, жрецы, жрицы и прорицатели соберутся вместе с законохранителями и установят то, что законодатель неизбежно пропустит. Именно поэтому-то им и надо знать толк во всем том, что пропущено законодателем. Закон же гласит так: пусть будет ^С двенадцать празднеств в честь двенадцати богов, имена которых носит каждая фила; каждому из этих богов пусть совершаются ежемесячные жертвоприношения; пусть устраиваются хороводы и мусические состязания; что же касается состязаний гимнастических, то их надо прибавить надлежащим образом соответственно самим богам и временам года. Надо определить, на какие женские празднества не допускаются мужчины, а на какие допускаются. Кроме того, почитание подземных богов и тех, кто за ними следует, не должно смешивать с почитанием тех богов, которых должно называть небесными. Напротив, это надо разгра-

ничить и почитание подземных божеств приурочить к двенадцатому месяцу, месяцу Плутона.

Военные не должны питать отвращения к этому богу; нет, им надо почитать его: ведь это всегда самый благой бог для человеческого рода. В самом деле: общение души с телом ничем не лучше их разъединения. Я, по крайней мере, серьезно готов утверждать это. К тому же те, кто в будущем внесет сюда правильное разграничение, должны поразмыслить над тем, что, в смысле досуга и обладания всем необходимым, едва ли кто может отыскать другое такое государство, как наше, из числа ныне существующих. Поэтому наше государство, как и каждый отдельный человек в нем, должно жить хорошо, а живущие счастливо, неизбежно, должны прежде всего не обижать друг друга и не подвергаться обидам со стороны других людей. Из этих двух условий первое не так уже трудно; но чрезвычайно трудно обладать такою силою, чтобы не подвергаться обидам. В совершенстве достичь этого можно не иначе, как став совершенно благим. Точно так же бывает и с государством: у государства, ставшего благим, жизнь мирная, а у государства дурного — воинственная и извне и изнутри. В виду того, что дело обстоит так, каждый не на войне должен упражняться в войне, а в мирной жизни. Поэтому государство, обладающее разумом, должно уделять военным упражнениям в лагерях не менее одного дня ежемесячно, лучше — более, если так решат правители; притом не надо бояться холода или жары. Если правители решат устраивать эти упражнения всенародно, то граждане должны будут выйти на них со своими женами и детьми, иной же раз по отдельным частям. Надо также постоянно изобретать какие-нибудь прекрасные забавы, соединенные с жертвоприношениями, причем там должны происходить какие-нибудь праздничные бои, сколь возможно наглядно воспроизводящие настоящие сражения. Надо установить для каждого отдельного состязания победные награды и отличия; граждане будут восхвалять друг друга или порицать, смотря по тому, каким кто себя выкажет на состязаниях, да и во всей жизни. Признанного наилучшим надо украсить, а наихудшего — подвергнуть порицанию. Не всякий поэт имеет право воспевать эти подвиги; прежде всего он должен иметь не менее пятидесяти лет отроду и не принадлежать к числу тех, кто никогда не обнаружил ни единого

прекрасного поступка. Пусть поются, хотя бы и не очень складные произведения тех поэтов, кто и сами по себе люди хорошие и пользуются почетом в государстве за свое искусство в прекрасных деяниях. Суждение об этих поэтах должен иметь воспитатель и остальные законохранители; лишь таким поэтам предоставят они, как почетный дар, полную свободу творчества, а остальных поэтов они совершенно лишат этой возможности. Никто не осмелится воспевать не одобренную решением законохранителей Музу, даже если он будет петь слаще Фамира или Орфея⁵². Допускаются лишь произведения, признанные свя-
щенными и посвященные богам, далее какие-либо восхваления или порицания, составленные людьми хорошими, поскольку будет признано, что они исполняют это соответственным образом.

2

Что я говорил о военной службе и о свободе творчества, должно в одинаковой мере касаться как женщин, так и мужчин. Законодателю надо взвесить все это и самому с собой рассуждать так: прекрасно, государство-то я устроил вполне, но какими должен я воспитать его граждан? Разве не борцами в величайшей борьбе, где у них тысячи противников? — Конечно, так,
правильно было бы ответить на это. — Так что же? Если бы мы воспитывали кулачных бойцов, панкратиастов⁵³ и тому подобных, так неужели мы вышли бы на состязание, ни разу перед тем ни с кем не сражаясь? Или, раз уже мы кулачные бойцы, то мы задолго до состязания, в течение долгого времени, научимся сражаться и приложим много трудов, чтобы усвоить воспроизведение всех тех приемов, которые нам пригодятся потом для дости-
жения победы. Применим как можно ближе это сравнение: вместо ременного панцыря, мы оденем панцырь, состоящий из шаров⁵⁴, чтобы по возможности лучше изучить способы нанесения и отражения ударов. Если у нас окажется слишком большой недостаток в товарищах по гимнастике, то мы станем упражняться, повесив неодушевленное подобие противника. Неужели мы не осмелимся сделать это, убоясь смеха людей бессмысленных? Наконец, если не случится у нас никого из оду-

С шевленных противников и никаких неодушевленных предметов, если нам придется упражняться в пустыне, — разве мы не осмелимся делать это сами с собой, борясь уже, действительно, со своею тенью? Разве нельзя сказать, что так бывает тогда, когда приучаются к различным движениям рук?

Клиний. Пожалуй, чужестранец, это именно так, как ты сейчас сказал.

Афинянин. Так что же? Хуже ли этих борцов будет подготовлена боевая часть нашего государства? Во всяком случае, она пойдет всегда с отвагою на величайшую борьбу, сражаясь за жизнь, за детей, за имущество и за все государство. Поэтому D законодатель не убоится того, что подобные взаимные упражнения покажутся некоторым смешными; напротив, он предпишет еще и ежедневные небольшие военные маневры, хотя и без оружия, в эту сторону направив хороводы и всю вообще гимнастику. Он предпишет также и какие-нибудь упражнения более или менее значительные, не реже, чем раз в месяц. Граждане по всей стране должны будут вступать друг с другом в борьбу, борясь за захват каких-нибудь местечек, устраивая засады, вообще воспроизводя E настоящие военные действия; они будут бросать шары и метать стрелы, сколь возможно более похожие на настоящие, чтобы из всего этого вышла не только взаимная, вовсе не страшная, забава; нет, здесь должен быть элемент страха, чтобы обнаружилось, у кого есть присутствие духа, а у кого нет. Первым оказывается почет, вторые предаются бесчестию; таким образом 831 все государство, в течение своего существования, надлежащим образом готовится к настоящему состязанию. Если кто при этом даже лишится жизни, то, так как убийство произошло невольно, руки убийцы считаются чистыми, если он, по закону, совершил очищение. Законодатель держится того мнения, что смерть немногих людей будет восполнена рождением других, притом не худших, чем погибшие. Если же отнять от всего этого страх, то невозможно найти средство различать лучших людей от худших; а это будет для государства бедой значительно большей. B

Клиний. Мы, по крайней мере, готовы согласиться, чужестранец, что всякое государство должно путем закона установить все эти упражнения и заниматься ими.

3

Афинянин. Неужели мы все не поняли причин, почему такая хорея и все эти состязания почти нигде не применяются в нынешних государствах — разве лишь в крайне ничтожных размерах? Не вследствие ли невежества большинства тех людей, кто устанавливал для них законы?

Клиний. Весьма возможно.

Афинянин. Совсе нет, дорогой Клиний. Надо сказать, что на это есть две, и весьма достаточные, причины. С

Клиний. Какие?

Афинянин. Первая заключается вот в чем: вследствие страсти к богатству, поглощающей весь досуг, люди не заботятся ни о чем ином, кроме как о своем собственном достатке. Душа всякого гражданина прилепляется к этому и уже не может иметь иного попечения, кроме как о своей повседневной прибыли. Каждый сам по себе в высшей степени готов изучить те знания и упражняться в тех занятиях, которые ведут к этой цели; все же прочее подвергается осмеянию. Это и следует признать D одной из причин, почему государства не желают серьезно заниматься этим обыкновением, равно как и вообще любым добрым и прекрасным делом. Вследствие ненасытной страсти к золоту и серебру, всякий человек готов прибегнуть к любым средствам и уловкам — хорошим или нехорошим, — лишь бы стать богатым. Благочестивый ли или нечестивый и всячески позорный поступок — ничто его не трогает, лишь бы только получить возможность, точно зверь, иметь разнообразную пищу и питье и всяческим образом пресыщаться сладострастием. E

Клиний. Верно.

Афинянин. Следовательно, то, о чем я говорю, и есть одна из причин, препятствующих государствам развивать хорошие навыки в чем бы то ни было, в том числе и в военном искусстве. Из людей, по природе вообще порядочных, она создает купцов, корабельщиков, прислужников; из храбрых — разбойников, гробокопателей⁵⁵, святотатцев, задорных драчунов, тираннов; иной раз они по природе вовсе не плохи, но так уже им не посчастливилось. 832

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Как же мне не назвать вполне несчастными тех, кто, в течение всей своей жизни, обречен алчно копаться в своей душе?

Клиний. Итак, это одна из причин. Что же ты считаешь второй, чужестранец?

Афинянин. Хорошо, что ты мне напомнил.

Клиний. Первая причина, по твоим словам, состоит в ненасытном всю жизнь искании; всякому недосуг, да и трудно, как в следует упражняться в военном деле. Пусть так. Укажи, какая же вторая причина?

Афинянин. Уж не думаешь ли ты, что я нахожусь в затруднительном положении, и поэтому оттягиваю ее выяснение.

Клиний. Нет. Но мне кажется, что, когда речь зашла о ненавистных тебе нравственных свойствах, ты более, чем должно, подверг их осуждению.

Афинянин. Ваш упрек, чужестранцы, вполне справедлив. Все-таки выслушайте и следующее.

Клиний. Продолжай только.

Афинянин. Я утверждаю — об этом и в предшествующей беседе я не раз говорил, — что причиной служит также и государственный строй: демократический, олигархический, тиранический. Впрочем, ни то, ни другое, ни третье даже не есть государственный строй, но все они скорее могут быть названы длительным междоусобием, ибо ни один из них не принимается добровольно, но держится постоянным насилием, самовольно подавляя волю своих подданных. Власть же, опасаясь своих подданных, никогда не допустит им стать хорошими, богатыми, сильными, мужественными и вообще сведущими в военном деле. Таковы эти две главные причины почти всех бед, в особенности же того, о чем мы говорили. Однако, ни той, ни другой причины нет места в том государстве, о котором у нас речь и для которого мы устанавливаем законы. У граждан там будет величайший досуг; они не будут зависеть друг от друга; думаю, что, при существовании наших законов, они будут в высшей степени несребролюбивы. Поэтому только подобное государственное устройство, из существующих ныне, естественное и вместе с тем разумное, сможет применить то воспитание, о котором мы гово-

рили, и те военные забавы, обсуждение которых мы закончили в нашей беседе.

Клиний. Прекрасно.

4

Афинянин. Разве не надо вслед за этим упомянуть и о гимнастических состязаниях. Поскольку некоторые из них пригодны для военного дела, там должны быть установлены победные награды; остальные же состязания придется оставить в стороне. Какие это состязания, об этом лучше сказать заранее и подтвердить законом. Прежде всего, что касается состязаний в беге на скорость, разве их не следует допустить?

Клиний. Конечно, следует.

Афинянин. В самом деле, подвижность тела, ног и рук имеет в высшей степени важное значение в военном деле. Быстрота ног пригодится во время бегства и преследования; при столкновении и схватке требуется крепость и сила рук.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Однако, без оружия все это совершенно бесполезно.

Клиний. То есть?

Афинянин. Прежде всего глашатай у нас, как это делается и теперь, станет на состязаниях вызывать бегуна в ристалище. Тот выйдет с оружием. Мы не установим наград для состязающихся в беге без оружия. Первым выйдет, кто будет состязаться в простом беге с оружием; вторым — состязающийся в двойном беге; третьим — состязающийся в беге на расстояние, назначенное коням; четвертым — состязающийся в длинном беге⁵⁶; пятого же мы выпустим сперва тяжело вооруженным на расстояние шестидесяти стадий⁵⁷ по направлению к святилищу Арея; затем, обозначив его именем тяжеловооруженного воина, предложим ему путь более ровный; иной стрелок, в полном своем уборе, пусть состязается в беге по различным гористым местам в направлении к святилищу Аполлона и Артемиды. Установив это состязание, мы будем ожидать их возвращения и каждому из победивших дадим награду.

Клиний. Прекрасно.

Афинянин. Мы разделим эти состязания на три разряда: первый — для мальчиков, второй — для юношей, третий — для мужей. Юношам мы назначим две трети пробега; мальчикам половину этого, причем они выступят в состязании в качестве стрелков и тяжеловооруженных. Что касается женщин, то для не достигших зрелости девушек мы установим: бег на расстояние D стадия, двойной бег, бег на расстояние, назначенное коням, долгий бег. Начиная с тринадцати лет у девушек будут общие состязания вплоть до их замужества, то есть не более, как до двадцати лет, но и не менее, чем до восемнадцати. Они будут выходить на состязание в этом беге, одетые надлежащим образом.

Пусть так устроены будут состязания в беге мужчин и женщин. Что касается упражнений в силе, то вместо борьбы и тому подобных нынешних тяжелых упражнений будет установлен бой E с оружием: один на один, двое против двух и так далее до десяти против десятерых. Что касается приемов и уверток, ведущих к победе, то точно так же, как теперь для борьбы установлено теми, кто ею ведает, что считать правильным приемом борьбы, а что нет, так и относительно боя с оружием надо поручить установление правил тем, кто в ней отличился. Они установят для такого боя условия победы или поражения, допустят те или 834 иные приемы и увертки. То же самое относится и к состязаниям женщин до их замужества. Кулачные бои следует для них заменить состязаниями легковооруженных, соединенными с борьбой, причем допускается применение стрел, легких щитов, дротиков, метание камней руками или из пращей. В свою очередь и относительно всего этого надо установить правила. Кто лучше всех соблюдает эти правила, тот получит почетные дары и награды.

Вслед за этим надо установить законы относительно конных B состязаний. Впрочем у нас — ведь дело идет о Крите — не будет особенно большой нужды в конях. Поэтому неизбежно меньше будет забот об их разведении и о конских состязаниях. У нас вовсе не будет людей, занимающихся доставлением коней для колесниц. Следовательно, ни у кого не может явиться оснований для развития подобного рода честолюбия. Устанавливать же подобные, несообразные с местными условиями, состязания было бы

совершенно лишено смысла. Тем не менее, сообразуясь с природой страны, мы установим состязания для скаковых коней, жеребят, еще не сменивших зубы, для тех лошадей, которые занимают середину между не сменившими зубов жеребятами и взрослыми конями. Пусть, согласно закону, происходит между ними состязание и соревнование; общее же суждение о бегах и о всех вышедших на состязание во всеоружии, принадлежит филархам и гиппархам. А для невооруженных было бы правильным установить закон, не допускающий их ни на гимнастические, ни на эти здешние состязания. Критский же конный стрелок может пригодиться; то же самое и метатель дротика. Поэтому, для забавы, пусть будет и между ними соперничество и состязание. Женщин не стоит принуждать законами и предписаниями участвовать в таких состязаниях. Впрочем, если кто из них, благодаря предшествовавшему воспитанию, уже привык к этому, так что их природа не противится и не негодует, то можно допустить участие девочек и девушек и не надо их за это порицать.

5

Вопросы о состязаниях и о гимнастическом обучении, постольку мы занимаемся ими, с одной стороны, на состязаниях, а с другой—повседневно у учителей, теперь уже вполне выяснены. Точно так же и большая часть относящегося к мусическому искусству разобрана до конца. Что касается вопроса о рапсодах и всего связанного с ними соревнования хороводов на празднествах, то это надо установить впоследствии, когда будут приурочены к известным богам и тем, кто за ними следует, месяцы, дни и годы. Тогда и выяснится, должно ли эти состязания устраивать каждые три года или один раз в пять лет, смотря по тому, какое указание дадут нам боги. Надо ожидать, что тогда будет установлено афлофетами⁵⁸, воспитателем молодежи и законохранителями и совершение отдельных мусических состязаний. Для этой цели указанные лица соберутся вместе и сами станут законодателями в этой области; они установят, в какое время, какие и в каком сочетании надо устраивать состязания в разных хороводах и, вообще, в хорее. А какими должны быть каждые

отдельные состязания в смысле речей, песнопений и гармонии, смешанной с ритмами и плясками, об этом уже нередко высказывался первый законодатель. Такого же направления должны будут придерживаться последующие законодатели, чтобы в подходящие сроки уделять каждому жертвоприношению соответственные состязания и установить для государства празднества. Нетрудно распознать, каким образом все это и тому подобное может быть упорядочено законом; да и перемещения в ту или иную сторону не принесут здесь особой выгоды или вреда для государства.

С Но трудно убедить в вопросах чрезвычайно важных. Это было бы всего более делом подходящим для бога, если бы как-нибудь было возможно от него получить самые предписания. Но в наше время для этого нужен, кажется, некий отважный человек, который особенно почитал бы свободную откровенность и высказал бы свое мнение о высшем благе для государства и граждан; который установил бы среди людей, душевно испорченных, надлежащие правила поведения в соответствии со всем государственным строем. Ему пришлось бы высказаться против самых великих страстей; ни один человек не был бы ему помощником; одним лишь доводам разума⁵⁹ следовал бы он в полном одиночестве.

Д Клиний. О чем это опять у нас зашла речь, чужестранец? Мы что-то не понимаем?

Афинянин. Это естественно. Впрочем, попытаюсь еще понятнее разъяснить вам это. Когда я в своем рассуждении пришел к вопросам о воспитании, я увидел юношей и девушек в дружном общении между собой. И вот, как это и естественно, у меня zakрался страх при мысли, на что использует каждый из них такое государственное устройство. Ведь в нашем государстве юноши и девушки будут хорошо взрощены, далеки от чрезмерных и низких трудов, — которые всего более погашают наглость, — и жизнь свою все они проведут в жертвоприношениях, празднествах и хороводах. Так вот, каким же образом, при таком государственном строе, уберечься им от страстей, ввергающих в крайности многих мужчин и женщин? Между тем, доводы разума предписывают воздерживаться от этих страстей; эти доводы⁸³⁶ пытаются стать законом. Ничего удивительного нет, если ра-

нее установленные узаконения одержат верх над большинством страстей. В самом деле: невозможность чрезвычайного обогащения послужит не малым благом для развития здравомыслия: Для этой же цели все в совокупности воспитание получило подходящие законы; вдобавок еще надзор правителей, обязанных не спускать глаз с молодежи и постоянно оберегать ее. Стало быть, все это умеряет остальные страсти, — поскольку здесь речь касается человеческих дел. Но вот из страстной любви к мальчикам и девочкам, женщинам-мужчинам и мужчинам-женщинам⁶⁰ происходят бесчисленные беды и для людей в их частной жизни и для целых государств? Как же остерегаться этого? Какое найти зелье для каждого из этих случаев, чтобы избежать подобной опасности? Да, Клиний, это очень трудное дело. В самом деле: во многих других вопросах весь целиком Крит и Лакедемон оказали нам достаточно большую помощь, дав законы, отличные от большинства установившихся обычаев. А вот в любовных страстях — можно сказать это: ведь мы наедине — Крит и Лакедемон совершенно не согласуются с нашими желаниями. Поэтому убедительным, пожалуй, было бы слово того человека — хотя оно вовсе не подходит для вашего государства, — который установил бы, следуя в этой природе, закон бывший до Лая⁶¹, сказав: отсутствие общения, для любовного соединения, у мужчин с юношами, как с женщинами — правильно; и это подтвердил бы ссылкой на природные свойства животных, указав, что у животных самцы не касаются самцов, так как это противоречит природе. Кроме того, такие явления в этой области не согласуются с тем, что, по нашим словам, постоянно должен соблюдать законодатель.

Действительно: мы всегда разыскиваем, что именно из установленного нами ведет к добродетели, что — нет. Допустим, что это явление мы установили сейчас законом, как прекрасное и вовсе не позорное, — все же, чем бы оно способствовало добродетели? Уже не тем ли, будто его осуществление в душу человека, покорно давшего себя склонить на подобное дело, внедрит мужественный нрав, а в душу человека, который убедил другого согласиться на это, внедрит род идеи здравомыслия? Нет, этому никто никогда не поверит. Скорее — совсем обратное, то есть, всякий будет осуждать мягкость человека, уступающего наслаждениям и не могущего оказать им сопротивление. И разве

не подвергнет всякий порицанию того человека, который идет на подражание женщине, — именно за это картинное сходство? Раз это явление таково, то кто же из людей станет возводить его в закон? Решительно никто, по крайней мере, из тех, у кого есть в мыслях истинный закон⁶². Но как нам убедиться в истинности нашего взгляда? Кто хочет правильно мыслить в этих вопросах, тому необходимо рассмотреть природу дружбы, страсти и, вместе с тем, того, что называется любовным стремлением. В самом деле: всю затруднительную неясность здесь производит то обстоятельство, что одним общим названием охватываются все эти чувства, хотя, на самом деле, их два и из них обоих возникает еще особый, третий, вид чувства.

Клиний. Как же это?

6

Афинянин. Иногда мы говорим так: подобное дружественно подобному по добродетели, равное дружественно равному. С другой стороны, и недостаточное мы называем дружественным избыточному, хотя, по своей природе, оно ему противоположно. Если же и в том и в другом случае чувство возникнет в сильной степени, то мы обозначаем это, как любовь.

В Клиний. Верно.

Афинянин. Значит, дружба, основанная на противоположностях, страшна, дика и редко находит общее в нас, людях. Дружба же, основанная на сходстве, кротка и обща в течение всей жизни. В дружбе, возникшей из смешения этих двух видов, прежде всего нелегко распознать, осуществления чего желает для себя человек, чувствующий этот, третий, вид любви; далее положение такого человека затруднительно, так как оба чувства влекут его в противоположные стороны: одно чувство побуждает его коснуться цветущей красоты, другое запрещает ему это. Ведь тот, кто влюблен в тело, алчет и цветущей красоты, точно зрелого плода, и стремится насытиться ею; он вовсе не ценит душевных свойств своего возлюбленного. У кого же страсть к телу является чем-то побочным, тот скорее восхищен созерцанием, чем влюблен, так как он своей душой действительно

страстно вожделеет к душе возлюбленного и считает наглостью насыщение своего тела телом возлюбленного; он совестливо почитает здравомыслие, мужество, величие и разумность, и поэтому его желанием было бы постоянно пребывать в непорочности вместе со своим, тоже непорочным, возлюбленным. Таков этот третий вид любви, смешанный из тех обоих чувств; мы разобрали его именно как третий вид. Раз есть столько видов чувства, то неужели надо их все запретить законом и отгородиться от них? Нет, ясно, мы пожелали бы, чтобы в нашем государстве господствовало то чувство, которое связано с добродетелью и которое заставляет юношу стремиться к достижению наивозможного совершенства. А остальные два вида мы запретили бы, если только это возможно. Каково твое мнение, дорогой Мегилл?

Мегилл. Ты, чужестранец; прекрасно высказался сейчас обо всем этом.

Афинянин. Повидимому, друг мой, я достиг своей цели: добился твоего согласия. Мне не надо доискиваться, в каком смысле установлен у вас закон относительно этих явлений; мне только нужно было, по ходу нашей беседы, получить твое согласие. А потом, я попытаюсь в свою очередь убедить и Клиния в этом же самом, при помощи заговоров. Вы дали мне свое согласие; пусть так оно и будет. Обратимся опять вообще к разбору законов.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Что касается установления этого закона, считаясь с нынешними обстоятельствами, то у меня имеется один, отчасти легкий, прием, хотя, с другой стороны он, наоборот, и чрезвычайно труден.

Мегилл. Что ты разумеешь?

Афинянин. Мы знаем, что и в наше время большинство людей, даже беззаконники, с наилучшей тщательностью удерживаются от общения с красивыми отроками, причем поступают они так не против воли, но вполне по доброй воле.

Мегилл. Как это ты говоришь?

Афинянин. Да вот, если у него окажутся красивые брат или сестра, то же самое и относительно сына или дочери. Здесь тот же самый неписанный закон вполне достаточно удерживает от связи, тайной или явной, и от всяких иных поползновений. У большин-

ства людей здесь даже и не возникает вовсе страстного стремления к подобному общению.

Мегилл. Это правда.

Афинянин. Значит простое слово погашает все такие наслаждения.

Мегилл. Какое слово.

Афинянин. Слово, гласящее, что подобные отношения совершенно нечестивы, богоненавистны и из всего позорного наиболее позорны. А причиной тут служит то, что никто не высказывает иного мнения. Каждый из нас, с самого дня рождения, постоянно и повсюду слышит выражения подобного взгляда, как в шуточных разговорах, так и в трагедиях, где это повторяется со всяческой серьезностью, когда нам выводят Фиестов, каких-нибудь Эдипов или каких-либо Макареев, ведь эти последние тайно вступили в связь со своими сестрами, а после обнаружения этого наложили на себя руки, чтобы искупить свое преступление⁶³.

Мегилл. Ты прав, поскольку ты указываешь на какое-то удивительное значение, придаваемое господствующим взглядам, раз даже и вздохнуть-то никто никогда не пробует вопреки существующим обычаям.

7

Афинянин. Следовательно, мы сейчас правильно сказали, что законодателю легко распознать тот способ, при помощи которого можно захватить и поработить какую-либо страсть из числа тех страстей, что в особенности поработают людей — надо только сделать священным этот общепринятый взгляд у всех: у рабов, у свободных людей, у детей, у женщин, вообще во всем государстве; таким образом законодатель придаст прочную непоколебимость этому своему закону.

Мегилл. Совершенно верно. Но, с другой стороны, чтобы было возможно всем людям вселить желание выражать подобные взгляды⁶⁴. —

Афинянин. Твое возражение очень метко. Вот именно об этом самом я и говорил, указывая, что есть у меня искусный прием для проведения в жизнь закона о том, чтобы плотским

общением пользоваться лишь сообразно природе, то есть для произведения детей. От мужского пола надо воздерживаться и не губить умышленно человеческий род, бросая семя на скалы и камни, где оно никогда не пустит корней и не получит своего природного развития. Надо воздерживаться и от всех тех женщин, на чьей пашне⁶⁵ не захочет произрастать твой посев. Этот закон заключает в себе тысячи благ, если он будет непрерывно действовать и возобладает в такой степени, как теперь возобладал закон относительно сношений с родителями, и если он будет справедливо распространен и на все остальные виды подобного общения. Прежде всего наш закон согласуется с природой; затем он заставит воздержаться от любовного борения, неистовства, от всяческих прелюбодеяний, от чрезмерного пристрастия к питью и еде; мужей он сделает близкими друзьями их жен. Какое множество иных благ осуществилось бы, если бы человек смог овладеть этим законом! Впрочем, возможно, какой-нибудь крепкий и молодой мужчина, преисполненный обилием семени, став перед нами и услышав об установлении такого закона, начнет поносить нас за установление яко бы безрассудных и неисполнимых узаконений и своим криком огласит все. Так вот, имея в виду как раз это, я и сказал, что тот прием, который у меня есть, является, с одной стороны, самым легким из всех, с другой же стороны — чрезвычайно трудным в том смысле, чтобы этот закон, будучи установлен, оставался в силе. В самом деле: очень легко сообразить и то, что этот закон осуществим, и то, каким образом он может быть осуществлен. Именно: как мы утверждаем, достаточно сделать это узаконение священным, чтобы оно поработило всякую душу и вообще заставило человека со страхом повиноваться установленным законам. Но в настоящее время дело дошло уже до того, что осуществление этого считается вообще невозможным; однако, точно так же не поверили бы и относительно обыкновения, касающегося сисситий, будто их осуществление осуществимо⁶⁶ и будто все государство целиком может, в течение всего своего существования, придерживаться этого обыкновения. Но здесь опровержением служит самый факт осуществления сисситий у вас; впрочем, даже в ваших государствах все еще считают, что природа женщин не позволяет распространить это обыкновение и на них. Поэтому-то,

вследствие такого сильного недоверия, я и сказал, что чрезвычайно трудно, чтобы это обыкновение вошло в законную силу.

Мегилл. И в этом ты прав.

Афинянин. Хотите, я попробую привести вам одно сказание, не лишенное некоторого правдоподобия, с целью пояснить, что все это не превышает человеческих сил, но может быть осуществлено?

Е Клиний. Конечно, хотим.

Афинянин. Какой человек легче воздержится от любовных утех и захочет умеренно пользоваться ими в пределах установленных законом, — тот ли, чье тело находится в хорошем состоянии и всесторонне развито, или тот, чье тело плохо, односторонне и неразвито⁶⁷?

Клиний. Гораздо скорее тот, чье тело развито всесторонне.

840 Афинянин. Не правда ли, мы знаем по наслышке, что тарентинец Икк, ради Олимпийских игр и прочих состязаний, как рассказывают, не касался никогда женщин или мальчиков во время разгара подготовки к состязаниям⁶⁸; причиной здесь было его честолюбие, преданность своему искусству, а также и то обстоятельство, что, вместе с здравомыслием, он обладал и душевным мужеством. То же самое рассказывают о Крисене, Астине, Диополисе и об очень многих других⁶⁹, хотя воспитание их души было гораздо хуже, чем у наших с тобой, Клиний, граждан, а
В тело их гораздо более было преисполнено жизненных сил.

Клиний. Да, ты прав: то, что древние рассказывают об этих атлетах, было, действительно, осуществлено некогда ими.

Афинянин. Так что же? Они отважились воздерживаться от того, что большинство называет блаженством, ради победы в борьбе, в беге и тому подобном, — неужели же наши дети не смогут совладать с собой ради гораздо более прекрасной победы? Той победы, чарующую красоту которой мы станем изображать им, конечно, с самого детства в мифах, изречениях и
С в песнях⁷⁰.

Клиний. Какая это победа?

Афинянин. Победа над наслаждениями, достижение которой делает блаженной их жизнь, уступка же им повлечет за собою жизнь обратную. Да, кроме того, неужели же для того, чтобы совладать с собой, как совладали иные, кто хуже наших гра-

ждан, не будет иметь значения еще и страх перед тем, что отсутствие такого самообладания никоим образом и ни с какой стороны не является делом благочестивым?

Клиний. Конечно, и это будет иметь значение.

8

Афинянин. Раз мы остановились на том месте узаконения, D которое затруднило нас в виду испорченности большинства людей, то я утверждаю, что наше узаконение в этой области должно все же идти вперед. В этом узаконении высказывается та мысль, что наши граждане не должны быть хуже птиц и многих других животных, которые, родившись в больших стадах, вплоть до времени произведения детей, ведут жизнь безбрачную, целомудренную и чистую; когда же они достигнут надлежащего возраста, то самцы и самки, по своей склонности, попарно соединяются между собою и остальное время ведут благочестивую и справедливую жизнь, неизменно оставаясь верными своему первоначальному выбору. Наши граждане должны быть лучше животных. Однако, если наши граждане будут развращены другими эллинами и большинством варваров, видя у них так называемую беспорядочную Афродиту⁷¹ и слыша о ее большом значении, то тогда законохранителям придется стать уже законодателями и изобрести для них второй закон.

Клиний. Какой закон ты посоветуешь им установить, если 841 будет нарушен тот закон, что мы сейчас установили?

Афинянин. Ясно, Клиний, что этот второй закон будет прямо примыкать к первому.

Клиний. Но в чем он будет состоять?

Афинянин. Он будет как можно меньше способствовать развитию силы наслаждений при помощи трудов, уменьшая их наплыв и возрастание и направляя тело в противоположную сторону. Это может удасться, если не будет распущенности в любовных утехах. Если люди, вследствие стыдливости, будут редко предаваться им, то это ослабит господство распущенности, B именно вследствие редкого обращения к любовным утехам. Занятие ими не на виду пусть будет узаконено у наших граждан

как нечто прекрасное; пусть именно это будет признано со стороны обычая и неписанного закона; напротив, пусть считается позорным явное обнаружение подобных отношений, но не вообще сами эти отношения⁷². Таким образом позорное или прекрасное в этих отношениях, хотя и намечается в нашем законе, однако, лишь на втором плане, так как и сами эти отношения, в смысле их правильности, стоят у нас на втором месте. Все развращенные по своей природе люди — мы их называем покоренными самими собой — образуют один род; остальные три рода граждан охватывают их со всех сторон и принуждают не преступать законов.

Клиний. Какие это три рода граждан?

Афинянин. Те, кто благочестивы, а вместе с тем те, кто ревностны, и те, кто страстно вожделеет не к телу, но к прекрасным свойствам души. Правда, все эти наши слова останутся пока лишь благими пожеланиями, как те, что выражаются в сказках; однако, насколько лучше было бы, если бы это осуществилось во всех государствах.

Если будет на то божья воля, мы, очень возможно, принудим соблюдать в любви одно из двух: или пусть гражданин не смеет касаться никого из знатных и свободорожденных людей, кроме своей законной жены: пусть он не расточает своего семени в неосвященных религией незаконных сношениях с наложницами, ни в противоестественных и бесплодных сношениях с мужчинами. Или же мы совершенно исключим сношения с мужчинами, а что касается сношений с женщинами, то, если кто, кроме жены, вступившей в его дом с ведома богов путем священного брака, станет жить с женщинами, купленными или приобретенными иным каким-либо способом, причем это явно обнаружится для всех мужчин и женщин, мы в качестве законодателей, думается, правильно постановим, лишив такого человека всех почетных гражданских отличий, как действительно чуждого нашему государству. Относительно половых сношений и всего относящегося ко всяким видам любви, пусть будет установлен именно такой закон — все равно, надо ли его считать за один закон или за два; он определяет, какие поступки при взаимных отношениях, возникающих под влиянием подобных страстей, правильны, какие — неправильны.

Мегилл. Я лично чрезвычайно охотно принял бы этот твой закон, чужестранец. Что касается Клиния, то пусть он сам выскажет свой взгляд на него.

Клиний. Я это сделаю, Мегилл, когда улучу подходящее время. А сейчас предоставим нашему гостю излагать далее ход своих законов.

Мегилл. Хорошо.

9

Афинянин. Так вот, в дальнейшем нам надо перейти к устройству сисситий. Если, как мы утверждаем, в иных краях и трудно их установить, то на Крите всякий считает, что именно сисситии-то и должны быть. Но как их устроить? Так ли, как они существуют здесь, или так, как в Лакедемоне⁷³; или же, рядом с этими двумя видами устройства сисситий, есть и еще третий вид, лучший? Мне кажется, нетрудно изобрести и третий вид, но, впрочем, такое изобретение не принесет никаких преимуществ. Ведь существующее и теперь устройство — удачно.

С сисситиями связан вопрос о добывании жизненных припасов. Каким образом эта сторона дела будет согласована с сисситиями? Во всех прочих государствах жизненные припасы бывают различны и добываются из многих мест, так что источников здесь вдвое больше, чем у наших граждан. Ведь большинству эллинов пищу доставляет и суша и море, у нас же только суша. Для законодателя это тем легче; законы станут более, чем на половину, короче; вдобавок они более будут подходить к свободорожденным людям. В самом деле: в нашем государстве законодатель может распространиться с большею частью законов о торговом мореплавании, о складах и гаванях, о мелкой торговле, о гостиницах, о таможах, о рудниках, о кредите, о сложных процентах и с бесчисленным множеством других тому подобных вопросов. Он будет устанавливать законы лишь для земледельцев, пастухов, пчеловодов, для соответственных хранилищ и надзирателей за орудиями. Ведь мы уже установили самые важные законы, то есть, законы о браке, рождении детей и их возвращении, кроме того, законы о воспитании и об установлении правительственных должностей в государстве. Теперь законодатель-

ствующему необходимо обратиться к вопросам о пище и о тех, кто ее добывает⁷⁴.

Начнем с тех законов, что носят название земледельческих. Первый закон, закон Зевса Охранителя границ, будет гласить так: пусть никто не нарушает земельных границ своего ближнего соседа, гражданина или сопредельного чужестранца, если у кого участок расположен на окраине, так что граничит с землей соседей-чужестранцев. Пусть всякий считает, что это поистине будет нарушением ненарушимого. Пусть каждый скорее пожелает попробовать сдвинуть какую-нибудь огромную скалу, чем межевой столб, или даже маленький камень, заклятый у богов и размежевывающий дружбу и вражду; для гражданина свидетелем является Зевс Единоплеменный, для чужестранца — Зевс Гостеприимный. Кто пренебрежет этим законом, тот понесет двойную ответственность первую и главную — перед богами, в вторую — перед законом. Вот почему пусть никто не нарушает добровольно границ своих соседей; если же кто нарушит, всякий желающий может донести об этом геоморам, а те привлекают его к суду.

Если кто окажется виновным в том, что он тайно и путем насилия стал снова делить землю, то суд определяет, какое наказание должен понести проигравший дело. Бывает, что соседи наносят друг другу много мелких повреждений, которые порождают сильное и тягостное чувство враждебности именно этой своей частою повторяемостью, так что соседство становится тяжелым и весьма горьким. Поэтому сосед должен всячески остерегаться, как бы не подать соседу повода к раздорам как вообще, так в особенности соблюдая осторожность при запашке земли. Нанести вред вовсе нетрудно — это может всякий: а вот оказать пользу не всякий может. Кто запашет землю своего соседа, то есть, преступит межу, тот должен возместить нанесенный вред и, кроме того, уплатить в двойном размере пострадавшему, чтобы исцелиться самому от бесстыдства и неблагородных склонностей. В этих случаях и во всех им подобных разбирать, судить и назначать пеню будут агрономы; в случае больших нарушений, как ранее сказано, — все должностные лица данного округа, составляющего двенадцатую часть всей страны; в случае меньших нарушений — местные фрурархи. А если кто захватит чужие паст-

бища, то судить и назначать возмещение за убытки будут те же лица, после того, как убедятся воочию в нанесенном ущербе. Если кто присвоит чужие рои, зная, чем приманить пчел, и, когда рой сядет поблизости, огреbet его, пусть возместит он убыток. Если кто станет у себя выжигать лес, не остерегшись от соседа, пусть он подвергнется наказанию по усмотрению правителей. Если кто станет сажать посадки, не оставив определенного промежутка между своей и соседней землей, тот подвергнется каре, как об этом достаточно было высказано многими законодателями; надо дополнительно использовать и их законы. Нельзя требовать, чтобы высший устроитель государства установил законы для многих мелочей — такие законы по плечу и первому попавшемуся законодателю. Таков древний прекрасный закон относительно воды, установленный для земледельцев, — не стоит давать другого направления нашей беседе; нет, пусть тот, кто хочет провести воду на свою землю, делает это, начиная с общественных водохранилищ, но пусть он не берет воды из источников, явно принадлежащих частному лицу; воду он может отводить по любому направлению, за исключением мест, занятых домами, святилищами и гробницами; при этом не надо портить окружающей земли, а ограничиться устройством самого водопровода. Если в иных местах природные свойства земли таковы, что она лишена воды, а поэтому впитывает дождевую влагу, так что там нет источников питьевой воды, то надо рыть на своем собственном участке вплоть до глинистого слоя земли; если же и на такой глубине нигде не встретится воды, то надо брать воду у соседей в размерах, необходимых для каждого из членов семьи. Если у соседей едва хватает воды, то порядок доставки воды устанавливается агрономами: кто именно ежедневно должен ходить за водой и, таким образом, сообща с соседями пользоваться ею. Если кто из живущих под горою загородит сток дождевых вод и этим причинит вред обрабатываемой земле примыкающего к нему верхнего соседа, или, наоборот, живущий на горе станет, как попало, отводить потоки, так что нанесет вред своему нижнему соседу, — так вот, если об этом они не захотят договориться друг с другом, пусть желающий призовет астинома, если дело происходит в городе, или агронома — если в деревне, чтобы установить, как здесь каждому надо поступить.

Кто не станет соблюдать установленного порядка, тот будет обвинен в зависти и несговорчивом нраве; если он окажется виновным, то будет должен возместить пострадавшему ущерб **D** в двойном размере за то, что не захотел послушаться правителей.

10

Что касается участия всех граждан в осеннем сборе плодов то здесь надо соблюдать следующее. Богиня⁷⁵ милостиво дает нам дары в двух видах: во-первых, виноград, как недолговечную, дионисическую забаву⁷⁶, а во-вторых, виноград, по своим природным свойствам заготавливаемый впрок⁷⁷. Пусть будет установлен следующий закон об урожае: кто вкусит сельских плодов, винограда ли или смокв, до наступления времени сбора — а это **E** совпадает с восходом Арктура⁷⁸ — все равно, на своей ли земле или на чужой, тот повинен заплатить шестьдесят посвященных Дионису драхм⁷⁹, если он сорвал на своей земле; если же он сделал это у соседей, то одну мину; если же у кого-нибудь другого, то — две трети мины. Кто захочет собрать плоды так называемой теперь благородной виноградной лозы или благородной смоковницы, тот может пользоваться ими сколько хочет и когда угодно, если это его собственность; если же это — чужое, и позволение владельца не дано, то такой человек всегда подвергнется наказанию по закону, запрещающему **E** трогать то, что не сам сложил. Если раб, без позволения владельца земли, прикоснется к чему-нибудь такому, он будет наказан соответственным числом ягод винограда в грозди и числу смокв количеством ударов. Метек может пользоваться, если ему угодно, плодами благородной лозы, но за плату. Если же приезжий иностранец пожелает, проезжая по дорогам, отведать плодов, то пусть пользуется, если ему угодно, благородным видом винограда бесплатно, он сам и один из его спутников; это будет законом гостеприимства. Что касается так **B** называемой полевой лозы и тому подобных плодов, то наш закон запрещает их рвать даже и иностранцу. Если же иностранец или его раб, не зная этого закона, коснутся запрещенного, то раба

наказывают ударами, а свободорожденного иностранца отпускают, но делают ему выговор и наставляют, что можно касаться всех прочих видов лозы, непригодных для заготовления впрок изюмного вина, и лишь тех смокв, что не годятся для сушки. Пусть не считается позорным срывать тайком груши, яблоки, гранаты и все тому подобное. Однако, пойманный в этом подвергнется побоям, если он моложе тридцати лет; впрочем, не надо причинять ему ранений; кроме этих ударов свободорожденный человек не подвергнется никакому суду⁸⁰. Иностранцу дозволяется пользоваться этими плодами так же, как и виноградом. Если же человек старше тридцати лет сорвет эти плоды, чтобы тут же их съесть, но ничего не унесет с собой, то он может это сделать на равных правах с иностранцем. Ослушник же этого закона рискует оказаться чуждым соревнованию в добродетели, если напомним об этом судьям, когда они будут присуждать награды. С D

11

Вода имеет наибольшее значение для садоводства, но она легко портится. Дело в том, что землю, солнце и ветры, которые, вместе с водой, влияют на то, что произрастает из земли, нелегко испортить; их нельзя отравить, отвести в сторону, украсть, а с водой все это можно сделать: такова ее природа. Поэтому здесь должен прийти на помощь закон. Так вот, пусть будет действовать следующий закон о воде: если кто испортит чужую воду, ключевую ли или собранную дождевую, отравит ее, отведет в сторону подкопом, украдет, то пострадавший должен обратиться за правосудием к астиномам, оценив нанесенный ему убыток. Кто будет уличен в том, что он какою-нибудь отравой портит воду, тот, кроме возмещения убытка, должен будет очистить источник воды или водоем; в каждом отдельном случае законы истолкователей будут руководить, как именно надо произвести это очищение. E

Что касается доставки припасов, то всякому желающему дозволяется доставлять свои припасы по всей местности, лишь бы только он этим не причинял никому никакого ущерба и не из- 846

влекал бы тройной выгоды из ущерба своего соседа. Правители должны разбираться в этом и так же во всем том, в чем один гражданин своим имуществом сознательно наносит вред другому, — если только на это нет его согласия, — явным или тайным насилием над его личностью или над его собственностью. Обо всем этом надо доводить до сведения правителей, которые и назначают наказания, если убыток не превышает трех мин.

В случае больших обвинений дело поступает в общий суд, который и определяет наказание для обидчика.

Если окажется, что кто-либо из правителей назначил пеню, вынесши несправедливое решение, то пострадавший взыскивает с него судом вдвое большую сумму. Каждый желающий может подать в общий суд жалобу на неправильные действия правителей.

Есть тысячи подобных мелких узаконений, на основании которых надо назначать наказания, вчинять тяжбы, вызывать в суд, приводить свидетелей со стороны истца, достаточно ли двух свидетелей, или сколько вообще их нужно, и так далее в таком роде. Невозможно оставить это без законов. Но престарелому законодателю не стоит этого делать. Пусть молодые люди установят здесь законы, в мелочах подражая установленным ранее крупным законоположениям. Неизбежную необходимость таких мелких законов они узнают на опыте, пока не будет решено, что все устроено как следует. Тогда они установят их незыблемо и будут жить, соразмерно пользуясь ими.

12

С ремесленниками надо поступить так: прежде всего пусть никто из туземцев не занимается ремесленными искусствами. Дело в том, что гражданину достаточно обладать тем ремеслом, которое нуждается в упражнении и, вместе с тем, в многих познаниях и которое состоит в поддержании и сохранении общегосударственного благоустройства; этим гражданин не может заниматься так, между прочим. Тщательно же предаваться двум занятиям или двум искусствам не способен, пожалуй, ни один человек, по своей природе, так же, как никто не может и сам

достаточно упражняться в чем-либо и руководить чьими-нибудь E
упражнениями. Так вот это-то и должно осуществиться в госу-
дарстве. Никакой кузнец не должен вместе с тем заниматься и
плотничеством; в свою очередь, и плотник не должен более за-
ботиться о чужом кузнечном деле, чем о своем собственном
ремесле, под предлогом, будто он должен более заботиться
о тех многочисленных рабах, что вверены его заботам и рабо-
тают на него, и будто таким образом он больше преуспеет
в своем собственном ремесле. Нет, в государстве каждый дол- 847
жен владеть только одним ремеслом, которое вместе с тем и
доставляет ему средства к жизни. Астиномы должны усиленно
следить за соблюдением этого закона. Если кто из туземцев
склоняется более к какому-нибудь ремеслу, чем к попечению
о добродетели, астиномы должны его удерживать от этого упре-
ками и бесчестьем, пока он не исправится и не пойдет по своей
дороге. Если кто из иностранцев занимается двумя ремеслами,
его под страхом наказания тюремным заключением, денежной
пеней и высылкой из государства принуждают быть единым B
человеком, а не многими зараз. Что касается вознаграждения и
уничтожения изделий, если кто обидит ремесленника или сам
будет обижен, то астиномы разбирают дела, не превышающие
пятидесяти драхм. Сверх этой суммы решение выносит, согласно
закону, общий суд.

Никто в государстве не должен платить никакой пошлины
ни за ввозимые товары, ни за вывозимые. Не допускается ввоз
ладана и тому подобных иностранных курений, употребляемых C
для религиозных целей; пурпура и окрашенных тканей—раз нет
местного производства, и всего того, что требуется для ремесл,
нуждающихся в каких-либо иностранных товарах, раз в этом
нет никакой необходимости; точно так же не разрешается вывоз
таких предметов, наличность которых в стране необходима. Во
всем этом должны разбираться законохранители; они же будут
и ведать всем этим, то есть двенадцать законохранителей, за
исключением пяти старших. Что касается оружия и всех других
военных орудий, если для этого понадобится ввоз иностранных D
изделий, сортов дерева, металла, предметов годных для связки,
или предметов животного происхождения, то здесь гиппархи и
стратеги распоряжаются ввозом или вывозом всего того, что

производит или получает государство. Законохранители установят и здесь подходящие и удовлетворительные законы. Но и в этом, как и во всем остальном, у нас во всей стране и во всем государстве не будет места торговле с целью наживы.

13

Что касается пищи и распределения доставляемых страной припасов, то здесь правильным, конечно, было бы осуществить порядок, близко напоминающий Критский закон. Все припасы, доставляемые страной, должны быть всеми разделены на двенадцать частей и, соответственно, потребляемы. А каждая двенадцатая часть, например, пшеницы, ячменя, всего того, что созреет, и всех тех животных, что поступают в продажу в каждом округе, будет, по известному расчету, разделена еще на ⁸⁴⁸ три части: первая часть назначается для свободорожденных людей, вторая—для их рабов, третья—для ремесленников и вообще иностранцев, как тех, что поселились из числа переселенцев, нуждаясь в необходимом пропитании, так и тех, что всякий раз приезжают к нам по государственным или частным надобностям. Только эту третью часть, выделенную из всех необходимых припасов, придется пустить в продажу; из остальных же двух частей нет никакой необходимости что бы то ни было продавать. Но как всего правильнее произвести такое разделение? Прежде всего ясно, что эти части в одном отношении будут равны между собою, в другом — неравны.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Неизбежно, что одни из припасов уродятся лучше, другие хуже.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Раз это так и раз всех частей три, то часть, предназначенная для господ, ничем не должна быть обильнее остальных двух частей, предназначенных для рабов, а равным образом и для иностранцев. Разделение для всех надо произвести так, чтобы части были вполне равны и в смысле качества ^с припасов. Каждый из граждан получает по две части и распределяется распределением припасов между рабами и свободо-

рожденными людьми по своему желанию, в смысле распределения припасов по их качеству и количеству. Излишек надо распределить соответственно, приняв в расчет число всех живых существ, пищу которым доставляет земля.

Гражданам надо отвести отдельные жилища. Тут был бы пригоден такой порядок. Должно быть двенадцать поселков, по одному в середине каждого округа, составляющего двенадцатую часть страны. В каждом селении надо, прежде всего, выделить площадь для святилища богов, тех, что следуют за богами, и демонов; это будут либо местные боги магнетов, либо иные древние боги, память о которых хранят сохранившиеся сооружения; их-то и будут почитать граждане так же, как почитали их люди в старину. Повсюду надо воздвигнуть святилища Гестии, Зевса, Афины и того бога, что для каждой двенадцатой части страны является стоящим во главе остальных богов. Вокруг этих святилищ надо, прежде всего, на самом возвышенном месте воздвигнуть здание, представляющее наиболее благоогражденный приют для стражей. Ремесленников надо разделить на тринадцать частей и распределить их по всей стране; одну же тринадцатую их часть надо поселить в городе, разделив и ее соответственно двенадцати частям всего государства. Прочие ремесленники будут жить в окружности, за пределами города, так что в каждом поселке, вместе с земледельцами, поселится полезный для них род ремесленников. Начальники над агрономами будут иметь попечение обо всех них: сколько какого рода ремесленников требует каждая местность, и какое место их жительства причинит земледельцам всего меньше неприятностей и доставит им всего более пользы. О ремесленниках, живущих в городе, будет иметь попечение, как в каждом отдельном случае, так и вообще, правительственная должность астиномов.

О рыночной площади должны иметь попечение агораномы. После надзора за святилищами, расположенными на площади, это попечение будет состоять в том, чтобы никто не портил того, что нужно для человека; во-вторых, они должны быть на страже

здравомыслия и наглости и наказывать тех, кто нуждается в наказании. Что касается товаров, то агораномы должны смотреть, чтобы вся продажа городскими жителями своих товаров иностранцам происходила согласно закону. А закон таков: первого числа месяца те из иностранцев или рабов, которые получили на то поручение от горожан, доставляют на рынок ту часть товаров, что назначена в продажу иностранцам, то есть, прежде всего, одну двенадцатую часть всего количества хлеба. В этот первый рыночный день иностранец и должен закупить для себя на целый месяц хлеб и всю остальную пищу. Десятого числа каждого месяца производится, в достаточных размерах, продажа и покупка на целый месяц жидких товаров. Двадцать третьего числа производится продажа животных. Каждый продает или покупает, что ему нужно; земледельцы, продают утварь, разные вещи, как, например, шкуры, всякую одежду, ткани, войлок и тому подобное; иностранцам приходится приобретать себе все это путем покупки. Пусть никто не торгует этим в розницу, так же как и ячменной или пшеничной крупой. Пусть никто не продает ничего и из прочих всех припасов ни горожанам, ни их рабам; если же кто продает, пусть никто у него ничего не покупает. Иностранец может продавать на рынке иностранцам, ремесленникам и их рабам, занимаясь перепродажей вина и хлеба; это — то, что большинство называет барышничеством. Лесники пусть торгуют лесом в розницу для иностранцев, ремесленников и их рабов. Там же ежедневно иностранец может себе купить, если ему угодно, разного топлива у тех лиц, кто в данной местности получил поручение произвести продажу собранного горючего материала; затем он сам может продать топливо другим иностранцам в любое время и в любом количестве. Продажу разных других вещей и утвари в размерах, необходимых каждому, можно производить на общем рынке в определенном месте, где законохранители и агораномы с астиномами обозначат подходящее местоположение и установят предельную цену товарам.

В этих пределах и будет обмениваться монета на вещи и вещи на монету; продавец и покупатель не будут откладывать обмена на будущее время. А кто откладывает обмен, тот, очевидно, доверяет и надеется получить; если он не получит, пусть

удовольствуется этим: правосудие не распространяется на подобного рода взаимный обмен.

Если товар будет куплен или продан в бóльшем количестве или по более высокой цене, чем то установлено законом, который определил и прибыль и уступку и запретил выходить за эти пределы, то излишек записывается у законохранителей, а недостача зачеркивается. То же самое правило касается и записи имущества переселенцев. Желаящий переселиться может это сделать лишь на определенных условиях. Желаящий и могущий поселиться иностранец получит жилище, если он владеет ремеслом, останется в стране не более, как на двадцать лет, считая со времени записи. Никакой пошлины за право переселения с него не возьмут; от него требуется только здравомыслие; с другой стороны, и за право торговли с него не взыщут пошлин. Но зато, по истечении срока, он должен взять свое имущество и удалиться. Если же, в течение этих лет, ему удастся обратить на себя внимание своими благодеяниями по отношению к государству; если он верит, что может убедить совет и народное собрание, и что его просьба об отсрочке выселения будет уважена, даже если он испросит позволение пожизненно остаться в стране, то пусть он выступит перед советом и народным собранием и, если он убедит государство, то пусть исполнится то, в чем он убедил их. А у детей метеков, если они знают ремесла и достигли пятнадцати лет, срок переселения исчисляется, начиная с пятнадцатилетнего возраста. Затем, по прошествии двадцати лет, они должны отправиться, куда им угодно. Если же захотят остаться, то и они точно так же должны убедить государство. До удаления надо вычеркнуть ту запись имущества, которую ранее произвели у него правители.